

Чарльз МакГрегор¹

ИМПЕРИАЛИЗМ И КУЛЬТУРА С ПОЗИЦИЙ РЕЛЯТИВИСТСКОЙ ТЕОРИИ

1. Откуда мы знаем то, что знаем?

Лихачевские чтения посвящены вопросам взаимодействия культур, в том числе двух важнейших составляющих культуры — литературы и языка. Эдвард Саид так определял культуру: «Все эти практики и методы как искусство описания, коммуникации и изображения, обычно существующие в эстетической форме. Одной из основных целей этих практик и методов является

¹ Профессор Института Всемирного банка (Великобритания). Автор многочисленных публикаций по истории материальной культуры, этнологии, регионоведению. Почетный профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, автор оригинального курса экологической истории Британии, читаемого в университетах Великобритании и России.

получение удовольствия»². Еще одна важная цель — *смыслы*: литература и язык помогают понять, что действительно важно, и определить высшее назначение жизни.

Мы рассмотрим эти формы культуры в контексте глобализованного мира. Как «культура», так и «глобальный» и «глобализованный» — это термины, границы значения которых трудно определить, а зачастую и основной смысл, придаваемый этим терминам, остается неясным. В статье я попытаюсь дать более четкие формулировки значения этих терминов и рассмотреть их основные компоненты.

² *Said E. Representations of the Intellectual: The 1993 Reith Lectures. L.: Vintage, 1994. P. xii.*

Кто такой «я», обращающийся к вам? Какое знание он утверждает? Я считаю, что знание относительно: к примеру, Э. Х. Карр, британский историк, занимавшийся историей Советского Союза, был прав, написав: «Изучите личность историка прежде, чем вы приступите к изучению фактов... Как правило, историк находит те факты, которые он хочет найти»¹. Далее: «Когда мы находимся в поисках фактов, вопросы, которые мы задаем, и ответы, которые мы получаем, обусловлены нашей системой ценностей»².

Если вы с этим согласны, то вам придется решить, насколько достоверно то, что вы услышите далее. Вы захотите узнать, каковы мои ценности и какие факты привлекают мое внимание. Предполагается, что система ценностей и интересы складываются под влиянием наследственных факторов и жизненных обстоятельств, поэтому коротко остановлюсь на этих вопросах.

Назову факторы, оказавшие на меня влияние. Моя жизнь складывалась типично для представителя поколения британской интеллигенции, выросшего после Второй мировой войны. На нашу долю выпало не так много трудностей. Мало кому из нас довелось познать голод, изгнание, тюремное заключение, преследование, пытки, тяжелый физический труд или вынужденное одиночество; нам не приходилось бояться, что нечто подобное случится с нами. Большинство из нас никогда не участвовали в военных сражениях ни в своей стране, ни за границей. Но, в отличие от наших родителей, мы отчетливо осознавали, что наша страна теряет былую мощь и силу. В период расцвета Британской империи (в начале XX в.) Лондону подчинялась четверть населения земного шара, Британия контролировала одну четвертую часть поверхности Земли. В этом же веке, немного позднее, Британия вынуждена была участвовать в двух войнах с другими странами, желавшими построить свои империи, — Германскую империю в Европе и Японскую в Восточной Азии. В результате этих войн Британия и другие страны Европы лишились своих территорий в Азии, Африке и Карибском бассейне. Британия больше не могла оставаться центром империи. К концу XX века практически все британские колонии получили независимость. Лишь несколько небольших островов, разбросанных в Мировом океане, остались под властью Британии. Великобритания была вынуждена создавать новые объединения, причем не всегда на выгодных для себя условиях. Теперь, определяя политический курс, Лондону приходится учитывать интересы Вашингтона и Брюсселя. Даже единство самой Британии оказалось под вопросом: определенная часть шотландцев хотела бы, чтобы их страна вышла из состава Соединенного Королевства.

Мое видение этих исторических событий обусловлено моими предпочтениями, которые начали формироваться в том числе и в годы моего детства. Мои родители встретились за 15 лет до моего рождения в студенческом клубе лейбористской партии Оксфордского университета. Мой отец (сын чиновника, студент-стипендиат) изучал историю, а моя мать (дочь юриста) — политологию, философию и экономику. Они

считали себя социал-демократами, поэтому без особенной симпатии относились к Коммунистической партии Великобритании (по их мнению, идеалистической и непатриотичной), но полагали, что предложенный К. Марксом анализ капитализма довольно полон и наводит на размышления. Моя мать до самой смерти хранила свой студенческий экземпляр «Капитала» К. Маркса, том 1 (в книге сохранилась запись, сделанная ее преподавателем в Оксфорде, о том, что ей надлежит прочесть только главы 1, 2 и с 16 по 24). В конце 1940-х годов она пыталась выучить русский язык, но не смогла. Много лет спустя я спросил ее, что она помнит по-русски, и она ответила: «Только одно слово: товарищ». Мой отец после окончания Оксфорда поступил на государственную службу и сумел занять довольно высокую должность: он стал заместителем министра торговли (в Министерстве торговли и коммерции). В течение нескольких лет он занимал пост главного торгового представителя Великобритании и заместителя посла в Канаде.

Вслед за родителями я поступил в Оксфорд, изучал там физиологию, в годы учебы я был настроен несколько радикально. Одни летние каникулы я провел, работая в журнале «New Left Review» («Новое левое обозрение»). Следующим летом я работал в кибуце Кфар Блюм в Верхней Галилее. Я проникся симпатией к идеям, которые Энгельс называл тремя источниками марксизма: «Немецкая идеалистическая философия, французский социализм и английская экономическая теория»³. Родители моей первой жены всю жизнь состояли в Южно-Африканской коммунистической партии и были членами Африканского национального конгресса. Когда в 1968 году мы поженились, мой тесть (Фред Карнесон) отбывал наказание (5 лет 9 месяцев) в центральной тюрьме Претории за политическую деятельность⁴. Моя вторая жена Джейн была преподавателем юриспруденции. Она специализировалась на публичном праве и праве социалистических стран, особенно на административном праве СССР/Российской Федерации и СНГ. Джейн с большим уважением относилась к своим коллегам из Института государства и права РАН. С 2009 по 2011 год (после смерти Джейн) я был приглашенным профессором на факультете иностранных языков и регионоведения в МГУ им. М. В. Ломоносова, где преподавал курс экологической истории XX века.

Судите сами, насколько это воспитание и условия жизни повлияли на факты и практические модели истории, которые кажутся мне предпочтительными. Возможно, вам следует применить релятивистскую теорию знания к вашему восприятию: в нем будут отражены иная наследственность и иные жизненные обстоятельства. Давайте рассмотрим, как эти отличия влияют на наши суждения о культуре в современном мире.

2. Значения терминов «культура» и «глобальный»

Что мы имеем в виду под термином «культура»? Нечто неопределенное и обширное. За последние 350 лет

³ McLellan D. The Thought of Karl Marx: an Introduction. L.: Macmillan, 1971. P. 15.

⁴ Carneson L. Red in the Rainbow. Cape Town: Zebra Press, 2010.

¹ Carr E. H. What is History? L.: Penguin, 1961. P. 23.

² Ibid. P. 131.

прескриптивный смысл культуры уступил место дескриптивному значению:

а) *воспитание детей [называется] культурой их ума*¹. (Культура = процесс усовершенствования природы на благо человека, например приручение и дрессировка животных, облагораживание растений, чтобы обеспечить людей пищей, одеждой, жилищем, транспортом и развлечениями. Это прескриптивное значение);

б) *культура — получение знаний обо всем лучшем в мире, что было создано и сказано*². (Культура = получение знаний о лучших достижениях в науке и искусстве, которыми занимаются при дворе, а не на улицах. Также прескриптивное значение);

в) *культура — это некое сложное целое, включающее знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи и другие способности и привычки, приобретаемые человеком как членом общества*³. (Культура (или субкультура) = совокупность благоприобретенных группой людей обычаев, верований, взглядов, образа жизни и социального устройства. Дескриптивное значение.)

В XX веке термин «культура» иногда используется в значении (в), при этом в качестве периферийных оттенков значения выступает или одно из значений (а) и (б), или оба значения.

«Необходимо различать три уровня культуры... Существует “живая” культура, существующая здесь и сейчас, — она доступна только тем людям, которые живут в это время и в этом месте; документированная культура, отраженная в сохранившихся произведениях искусства или в фактах повседневной жизни: культура периода. Также следует упомянуть фактор, соединяющий “живую” культуру и культуру отдельных периодов, культуру селективной традиции»⁴.

По-видимому, «живая» культура — это культура в понимании Тайлора (в), а «документированная» культура включает культуру в толковании Мэтью Арнольда (б), хотя и не в полной мере соответствует данному Арнольдом определению. В «культуре селективной традиции» в некоторой степени объединены все три значения — значение культуры по Гоббсу, Арнольду и Тайлору.

Мы будем придерживаться значения (в), дескриптивного значения из социальной антропологии. Даже если мы ограничимся этим определением, перед нами откроется обширное поле деятельности. В перечне, представленном ниже (основанном на перечне, предложенном Д. П. Мёрдоком⁵), содержится общий список видов деятельности человека. Уильямс описывает культуру как «структуру чувства»⁶, а Рут Бенедикт напоминает о том, что «только в контексте мотивов, эмоций и ценностей, принятых в определенной культуре, можно судить о значении отдельных видов деятельности»⁷.

¹ *Hobbes T. Leviathan. 1651.*

² *Arnold M. Preface to Literature and Dogma. 1873.*

³ *Tylor E. Quoted // Monaghan J., Just P. Social and Cultural Anthropology. Oxford : OUP, 1871. P. 36.*

⁴ *Williams R. The Long Revolution. L. : Chatto & Windus, 1961. P. 49.*

⁵ Цит. по: *Fox K. Watching the English — the Hidden Rules of English Behaviour. L. : Hodder & Stoughton, 2004. P. 12.*

⁶ *Ibid. P. 48.*

⁷ *Benedict R. Patterns of Culture. Boston ; N. Y., 1934. P. 49.*

Список видов деятельности может оказаться полезным для начала исследования.

Мы разделили все межкультурные универсалии на три группы:

- 1) средства выживания;
- 2) досуг;
- 3) социальные практики и общественное устройство.

Межкультурные универсалии — список видов деятельности в культуре

Группа 1 «Средства выживания»

1.1. **Пища** (сельское хозяйство, воздействие на погодные условия).

1.2. **Медицина** (медицина, хирургия, обучение личной гигиене, гигиена).

1.3. **Беременность** (беременность, родовспоможение, уход за новорожденным).

1.4. **Хозяйство** (добывание огня, изготовление инструментов).

Группа 2 «Досуг»

— украшение тела, прическа;

— декоративное искусство, танец, музыка;

— фольклор, мифология;

— спорт, игры.

Группа 3 «Социальные практики и общественное устройство»

3.1. Социальные практики

3.1.1. Светские

— язык, символы, жесты, шутки;

— приветствия, посещения, дарение подарков, гостеприимство;

— приготовление еды, время принятия пищи, празднования, ограничения на отдельные виды пищи; — одежда.

3.1.2. Религиозные

— мораль;

— религиозные ритуалы, представления о душе, умилостивление сверхъестественных существ;

— предсказание будущего, суеверия, магия, толкование снов;

— исцеление верой;

— эсхатология, похоронные ритуалы, траурные церемонии.

3.2. Общественное устройство

3.2.1. Имущественные права, экономическое устройство, правительство, закон, уголовное наказание.

Совместный труд, разделение труда, торговля.

Демографическая политика.

3.2.2. Отлучение от груди, воспитание, половое созревание, ухаживание, сексуальные ограничения, запрет кровосмешения, брак.

Стыдливость, касающаяся естественных потребностей.

Имена, семья, родственные связи, фамилии, правила наследования.

Возрастные группы, дифференциация по статусу.

Жилье, правила проживания.

Это приблизительный, далеко не полный список. Например, в группу 2 «Досуг» не вошли все развлечения, доступные жителям городов с развитой промышленностью, где благодаря техническим достижениям появились разнообразные средства развлечений. (С их помощью мы знакомимся с произведениями мировой художественной культуры: в них воплощено то, что мы воображаем или наблюдаем, в таких формах, как романы, поэзия, пьесы, фильмы, телевизионные программы на электронных или бумажных носителях.)

Этот список не завершен. В нем не указана относительная *ценность* каждой универсалии. Все универсалии кажутся одинаково важными, но в современном обществе, например, воспитание ценится более высоко, чем исцеление верой или прическа. Это лишь список, а не схема: отношения между универсалиями обозначены в общих чертах посредством объединения их в группы, но не указано, что общего у элементов каждой группы. Это не типологическая схема, в которой ценность и соотношения представлены в виде объемной модели. Это лишь первое приближение к модели человеческой культуры.

Модель представляет сложную действительность более простым способом, при этом упоминаются все ее важнейшие части. Например, какие воздействия изнутри и извне определяют культуру страны? Ответить на этот сложный вопрос можно, если сначала найти ответ на более конкретный вопрос: «Как реализация универсалии x_1 в стране A влияет на универсалию y_1 в стране A и какое влияние на эту универсалию оказывает x_2 в стране B ?» На этот вопрос трудно ответить. Поэтому сначала необходимо сделать два вывода об индустриальных обществах: 1) в основном формы, в которых реализуются эти универсалии, в настоящее время меньше отличаются друг от друга в различных (национальных) культурах, чем сто лет назад, и 2) в рамках одной культуры три группы универсалий существенно отличаются темпом изменения и чувствительностью к предполагаемым изменениям.

Категории, перечисленные в группе 1 «Средства выживания», являются частью науки, общей мировой культуры, хотя их социальные особенности (например, средства обеспечения и положение их поставщиков) сильно отличаются в зависимости от страны. Существуют огромные отличия в том, какой вклад каждая из 193 стран — членов ООН вносит в развитие науки. Однако эти категории менее чувствительны с политической точки зрения: в целом формы реализации подвержены гораздо более быстрым изменениям, чем в двух других группах, а споры по поводу предложенных изменений этих форм в основном решаются путем обсуждения, а не физического насилия. Например, то, как в Германии принято ухаживать за новорожденными, сильно отличается от ухода в постнатальном периоде на Украине (в группе 1.3), но эти отличия не настолько велики, и хотя они могут стать предметом споров в научных журналах, но не приведут к войне между государствами.

Универсалии группы 2 более политически чувствительны, чем универсалии группы 1. Например, если

на смену народной музыке (группа 2) приходит зарубежная музыка, это может вызвать недовольство пожилых граждан. Это недовольство будет качественно отличаться от тревоги, вызванной заменой ручной системы управления на цифровую в производственном процессе (группа 1.4). Новые технологии на производственном предприятии могут сократить число и тип рабочих мест, но это не ставит под угрозу социальную идентичность так явно, как утрата привычной музыки. Но предлагаемые и имеющие место в действительности изменения в универсалиях группы 3 «Социальные практики и общественное устройство» вызывают самые сильные реакции. Такие «взрывоопасные» универсалии, как «ограничения на отдельные виды пищи», «ритуалы ухаживания», «дифференциация по статусу» и «религиозные ритуалы», очень медленно меняют формы реализации: те, кто предлагает ускорить перемены, часто подвергаются наказаниям со стороны других членов общества, а ответом на насмешки со стороны чужаков может стать даже убийство обидчика.

Удобно перечислять межкультурные универсалии как отдельные пункты, но они представляют собой не разрозненные предметы, как шары на бильярдном столе. Они существуют в контексте, в окружающей среде, с которой их элементы постоянно вступают во взаимодействие, так же как сложные компоненты крови взаимодействуют с компонентами плазмы крови через частично проницаемую оболочку клетки. Что представляет собой окружающая обстановка? К чему относится слово «глобальный» в словосочетании «глобальный мир»? Я предлагаю описать термин «глобализация» с помощью ее причин и результатов.

На мой взгляд, существуют две основные причины: изменения 1) международной торговли и 2) коммуникаций.

1) В 1995 году Генеральное соглашение по тарифам и торговле стало основой для создания новой организации — Всемирной торговой организации. ВТО обеспечивает свободную торговлю товарами и услугами между 158 странами — членами ВТО и пытается бороться со стремлением богатых стран к протекционизму — защите фермеров своей страны путем выделения сельскохозяйственных субсидий и увеличения тарифных барьеров для фермеров из более бедных стран. Однако основным итогом снижения тарифов в 1995 году — увеличение движения капитала и товаров между национальными границами во всем мире. В этот период стала еще более заметна разница между самыми богатыми странами и самыми бедными государствами.

2) Увеличению движения товаров и ресурсов способствовали достижения в области информационных технологий. Благодаря им увеличилась скорость передачи в телекоммуникациях, таким образом, стал возможен быстрый обмен большим объемом информации и денежными средствами между странами, находящимися далеко друг от друга, при низкой стоимости. Такие усовершенствования имеют не только экономические, но и социальные и политические результаты. В последние 20 лет информация (например, текст или изображения) о событиях, происходящих на местах,

расположенных на большом расстоянии от интернет-пользователя, появляется в компьютере пользователя спустя всего несколько секунд или минут после того, как эти события произошли. В результате в пределах одной страны и между странами создаются социальные сети, которые соединяют незнакомых людей. Эти люди обсуждают общественные и политические проблемы, вместе развлекаются, так что становится возможна координированная деятельность, которой до появления Интернета власти стран могли противодействовать или мешать, так как полностью контролировали национальные СМИ. Внутренние и национальные границы стали более прозрачными, поэтому информация о том, как межкультурные универсалии реализуются в других странах, распространилась по всему миру.

Границы стали прозрачны и для миграции людей. Миграционные перемещения второй половины XX — начала XXI века напоминают, но не полностью повторяют передвижения населения конца XIX — начала XX века. С 1830 по 1920 год из Европы в Северную и Южную Америку, Австралию и Сибирь мигрировали примерно 55–70 млн человек. Приблизительно за аналогичный период времени (1834–1937) — от 30 до 45 млн индийцев мигрировали в Азию, Океанию, Африку и страны Карибского бассейна (Фиджи, Малайя, Бирма, Маврикий, Тринидад и Гайана). Примерно в то же время большое число эмигрантов из Китая приехали в качестве рабочих в Юго-Восточную Азию, страны Карибского бассейна, Калифорнию и Перу, а также в другие уголки мира¹.

Но ситуация изменилась с падением европейских империй (французской, голландской, бельгийской, португальской, британской). Они распались вследствие ослабления метрополий и сопротивления жителей колоний. Во многих колониях в странах Африки и Азии потребовались значительные усилия для того, чтобы сделать борьбу за национальную свободу более эффективной: необходимо было создать новую культурную идентичность, сплотить разрозненные группы, которые прежде объединяло совместное противостояние власти империалистических держав, но которые имели отличные друг от друга культурные особенности.

Внутренние мигранты в качестве рабочих не были привлекательны для этих стран, так как их миграция увеличивала конкуренцию за рабочие места, но не обеспечивала приток нового капитала. Кроме того, они укрепляли влияние уже сложившихся национальных меньшинств. Но в империалистических державах, переживающих спад экономики, как, например, в Британии, где средства инвестировались в восстановление того, что было разрушено во время войны, спрос на неквалифицированную и малоквалифицированную рабочую силу начал превышать предложение. Об этом узнали люди, проживающие в колониях Великобритании в странах Карибского бассейна, Западной и Восточной Африки, Индостана, и в конце 1940-х — начале 1950-х годов поток трудовых мигрантов из этих стран в Великобританию значительно увеличился по сравнению с довоенным периодом.

¹ McNeill J. R. Something New under the Sun — an Environmental History of the 20th century World. N. Y. : W. W. Norton, 2001. P. 277.

Их привлекали свободные рабочие места в Великобритании с более высоким уровнем заработной платы. Кроме того, с закатом империи поток прямых иностранных инвестиций в их страны сократился, и они были вынуждены покинуть родину. В 1913 году доля основного мирового капитала, который был направлен в качестве прямых иностранных инвестиций в бедные страны (с доходами 20 % или менее на душу населения от ВВП США на душу населения), составила 25; к 1997 году эта доля уменьшилась до 5². Когда внутренняя экономика богатых стран Европы преодолела кризис, их колонии обрели независимость и стали не так привлекательны для иностранных инвесторов, как в колониальные времена; поэтому инвесторы предпочитали вкладывать деньги в экономику других богатых стран. В какой-то мере это объясняет разницу в благосостоянии богатых и бедных стран, разрыв между которыми значительно увеличился по сравнению с колониальными временами: в 1955 году ВВП Великобритании на душу населения в 7 раз превышал ВВП Замбии, колонии Британии в Центральной Африке; уже к 2004 году, то есть 50 лет спустя, ВВП независимой Замбии был в 28 раз меньше, чем ВВП Великобритании³.

Результатом миграций стало то, что большая часть граждан Европейского Союза и Северной Америки родилась не на территории страны, где они в настоящее время постоянно проживают. 25 % граждан США — это иммигранты или дети иммигрантов. Сегодня испаноязычное население, афроамериканцы и выходцы из Азии составляют примерно треть (34 %) населения США⁴.

Таблица 1

Этническая принадлежность граждан США⁵

Общая численность населения	%
Белые	64
Выходцы из испаноязычных стран	16
Афроамериканцы	13
Уроженцы Азии	5
Другие	2

На данный момент выходцы из Азии — самая быстрорастущая группа. Среди новорожденных младенцев не с белым цветом кожи составляют большинство⁶.

Наряду с уроженцами испаноговорящих стран и афроамериканцами выходцы из Азии принимают более активное участие в выборах президента, чем белое население. Подавляющее большинство граждан не с белым цветом кожи голосовало за Барака Обаму в 2012 году: 73 % выходцев из Азии, 93 % темнокожих и 71 % испаноговорящего населения, по сравнению с меньшинством (43 %) белых избирателей. Он был избран только благодаря поддержке населения не с белым цветом кожи⁷.

² Ferguson N. Empire — how Britain Made the Modern World. L. : Penguin, 2004. P. 368.

³ Ibid.

⁴ Lee T. America's Race // RSA Journal. 2012. Winter. P. 10; Бюро переписи населения США. 2011.

⁵ Источник: Бюро переписи населения США. 2011.

⁶ Lee T. Op. cit.

⁷ Ibid.

В Великобритании белые — по-прежнему преобладающая этническая группа, они составляют более 4/5 населения.

Таблица 2

Этнический состав жителей Англии и Уэльса¹

Общая численность населения	%
Белые	87
Выходцы из Азии/ британцы азиатского происхождения	6
Темнокожие/ британцы с африканскими корнями	3
Люди смешанной расы	2
Китайцы и другие	2

Благодаря более высокому коэффициенту рождаемости население, имеющее азиатские корни, увеличивается быстрее, чем белое население. В следующей таблице, например, приведены 10 самых распространенных имен, которыми называли новорожденных мальчиков в Англии и Уэльсе в 2011 году.

Таблица 3

10 самых популярных имен среди новорожденных мальчиков в 2011 году²

Гарри	7523
Оливер	7007
Джек	6844
Мохаммед (Мухаммед)	5908
Алфи	5524
Чарли	5516
Томас	5353
Джейкоб	5047
Джеймс	4945
Джошуа	4786

Выходцы из Азии составляют лишь 6 % от общей численности населения. И хотя в других сферах жизни молодые родители из Азии, вероятно, вполне адаптировались к британским условиям, они так и не приняли британские традиции, касающиеся имен (в группе 3.2.2).

3. Некоторые детерминанты компонентов культуры

Таким образом, глобальный мир — это мир со множеством миграций из бедных стран в богатые, при этом в странах-реципиентах происходят соответствующие демографические изменения. Это мир, где капитал быстро перемещается из одной страны в другую, а пропасть между бедными и богатыми странами становится все глубже. Обмен информацией осуществляется очень легко внутри стран и между странами, и эта информация не подвергается жесткому контролю правительств, так что большей части населения известно, как культурные универсалии во всех группах могут варьироваться в пределах одной страны или в разных странах.

Это мир, в котором страна с населением 300 млн человек занимает уникальное доминирующее положение.

¹ Источник: Служба национальной статистики Великобритании. 2011.

² Источник: Служба национальной статистики Великобритании. 2012. Авг.

Это превосходство основано на сильной экономике страны, расходах на оборону, достижениях теоретической и прикладной науки, развитых СМИ и культурных завоеваниях, доставшихся этой стране в наследство от Британской империи, частью которой она когда-то являлась. О связи между культурными особенностями и политическим влиянием этой страны один из видных британских ученых (декан Публичной административной школы им. Кеннеди в Гарвардском университете) не так давно написал: «В мировой политике страна может добиться такого результата, какого захочет, потому что другие страны хотят следовать за ней, восхищаются ее ценностями, подражают ей, стремятся к такому же уровню процветания и открытости. <...> [Мягкая сила] — это способность увлекать и соблазнять. Мы обладаем ею во многом благодаря нашим американским ценностям, благодаря тому, что мы — сияющий “град на холме”»³.

«Мягкая сила» Америки уже не кажется остальному миру неотразимой; она привлекает не больше, чем давно ушедшая в историю Британская империя. За мягкими разговорами скрываются факты военной интервенции, когда США преследовали скорее свои национальные интересы, чем стремились к миру и безопасности. Зная это, те, кто следит за «мягкой силой» США из-за рубежа, затрудняются определить моральный статус этой страны.

Империалистические державы предпочитают думать, что своим господством они обязаны не только военному, но и нравственному превосходству. У британцев тоже были подобные иллюзии. В речи Черчилля о «железном занавесе», произнесенной им в Фултоне, штат Миссури, в 1947 году, он заявил, что Россия хочет не войны, а «плодов войны и безграничного распространения своей мощи и доктрин». И далее: «Если население Британского Содружества и Соединенных Штатов будет действовать совместно, при всем том, что такое сотрудничество означает в воздухе, на море, на всем земном шаре и в науке и промышленности, если мы будем морально едины, то будет исключен тот беспокойный, неустойчивый баланс сил, который искушал бы на амбиции или авантюризм. Напротив, будет совершенная уверенность в безопасности»⁴.

Не всем эти условия казались «безопасностью». Ответ Сталина не заставил себя ждать в газете «Правда»: «Господин Черчилль начинает дело развязывания войны (как и Гитлер) тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира... По сути дела, господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке — в противном случае неизбежна война».

Прежде польза, которую Британская империя принесла миру, описывалась не совсем в том ключе,

³ Nye J. S. Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford; N. Y.: OUP, 2002. P. 8. (Цит. по: Ferguson. N. Colossus — the Rise and Fall of the American Empire. L.: Penguin, 2005. P. 19.)

⁴ Jenkins. 2002. P. 810.

который избрал Черчилль. За 20 лет до Фултонской речи Черчилля, в 1929 году, лорд Лугард, основатель колоний в Нигерии и Уганде, писал о двойной миссии империи, которую он назвал «двойным мандатом»: «С самого начала следует признать, что европейский ум, капитал и энергия не тратились и никогда не будут тратиться на развитие Африки из чисто филантропических мотивов, что Европа находится в Африке для взаимного блага собственных промышленных классов и туземных народов; выгода может быть обоюдною, и целью и стремлением цивилизованной администрации является осуществление этой двойной миссии»¹. Он приводит примеры тех благ, которые принесли в Африку британцы: «Мы строим автомобильные дороги и железные дороги, осушаем болота и орошаем пустыни, мы выступаем за честную торговлю и конкуренцию — так мы обеспечили процветание и богатство этих земель, мы покончили с голодом и болезнями. Мы положили конец ужасам работорговли и войнам между племенами, человеческим жертвоприношениям и пыткам пациентов лекарями-колдунами. Там, где эти явления сохранились, они жестоко подавляются. Мы стараемся научить туземные народы вести дела гуманно и справедливо и обучить их грамоте и организации промышленности»². Он выступает в защиту этих достижений и делает еще более резкие заявления: «Возможно, британские методы не во всех случаях дали идеальные результаты, но я глубоко убежден, что не может быть сомнений в том, что правление британцев принесло счастье и процветание туземным народам. Пусть те, кто сомневается в этом, объективно оценит результаты. Если, например, в Индии и Египте наблюдаются волнения и стремление к независимости, то это потому, что мы показали им ценность свободы и независимости — то, чего эти народы не знали на протяжении многих веков. Даже их недовольство является показателем их совершенствования»³.

В ту эпоху европейцы часто одобрительно относились к империализму. Маркс писал: «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации»⁴.

В 1890 году выдающийся британский инженер, работавший в городке Мерв, что на реке Мургаб (прежде Оксус), писал в письме родным: «Я думаю, ни один здравомыслящий человек не усомнится в том, что стране лучше быть под властью сильного российского правительства. Я не приемлю крайний милитаризм, но здесь наступил общественный порядок и безопасность, а дикие туркмены, гроза их кротких соседей-персов, — похитители людей и головорезы самого худшего сорта — превратились в уважаемых российских подданных. Несомненно, это благо для человечества; англичанам не к лицу воз-

ражать, учитывая нашу склонность к завоеванию территорий»⁵.

Убежденные в своем нравственном превосходстве, что характерно для империалистических держав, русские, вероятно, спровоцировали значительные изменения в туркменских реализациях межкультурных универсалий группы 3 («Социальные практики и общественное устройство»), особенно в пунктах, касающихся правительства (3.2.1). А со временем туркменские традиции в группе 1 («Средства выживания»), вероятно, тоже приблизились к русским.

Британский историк экономики, сторонник империи, недавно назвал основные культурные «дары», принесенные британцами: «Нет сомнений, что без существования Британской империи мир был бы совершенно другим или сильно отличался от сегодняшнего. Даже если предположить, что торговля, движение капитала и миграция в последние 300 лет развивались бы естественным образом, остается передача культурных и общественных традиций. И здесь отпечатки пальцев империи отчетливо видны, и признаки ее влияния нельзя не заметить. Когда британцы управляли страной — даже если они только оказывали влияние на правительство, демонстрируя военную или финансовую мощь, — в этой стране появлялись определенные отличительные черты британского общества — черты, которые британское общество распространяло»⁶.

Фергюсон перечислил девять наиболее важных отличительных черт, которые мы привели ниже, немного изменив их порядок. Первые шесть универсалий относятся к группе 3.2 «Общественное устройство», следующая универсалия — к группе «Досу», а последние две — к группе «Социальные практики», одна — из подраздела религиозных, другая — светских.

1. Английские формы землевладения.
2. Общее право.
3. Шотландское и английское устройство банковской системы.
4. Ограниченное (минимальное) государство.
5. Представительная законодательная власть.
6. Представление о свободе.
7. Командные виды спорта.
8. Протестантское христианство.
9. Английский язык.

Как и Лугард, он утверждает, что, проповедуя свободу и собрания представителей, Великобритания сама спровоцировала распад империи. Он уверен, что эти призывы не были лицемерием: когда британцы вели себя деспотично в других странах, «почти всегда» эти факты подвергались критике в Великобритании⁷.

Остаются открытыми вопросы, насколько верно это утверждение и какие из этих культурных особенностей действительно были исконно британскими. Но распространение английского языка не вызывает никаких сомнений: британцам удалось «англизировать» Северную Америку, Австралию и Южную Африку. После распада империи английский язык все еще широко использовался в бывших колониях в качестве

¹ Luggard L. The Dual Mandate in British Tropical Africa. L.: Blackwood, 1929. P. 617.

² Ibid.

³ Ibid. P. 618–619.

⁴ Marx K., Engels F. The Communist Manifesto. L.: Penguin Classics, 2002. P. 224.

⁵ Hollings M. A. (ed.) The Life of Sir Colin C Scott-Moncrieff. L.: John Murray, 1917.

⁶ Ferguson N. Empire... P. xxiii.

⁷ Ibid.

официального и неофициального второго языка. Рост влияния США способствовал дальнейшему распространению английского языка.

4. «Культурный релятивизм» как идея и действительность

В этом разделе я кратко остановлюсь на том, какое значение это имело для других культур и в особенности для людей, говорящих на других языках. Прежде я хочу рассмотреть теорию, иллюстрирующую отношения между культурами: культурный релятивизм, основанный на равенстве культур. Рут Бенедикт образно выразила эту мысль в начале 1930-х годов, используя поговорку индейцев Северной Америки: «Бог дал каждому народу глиняную чашу, каждому народу разную, и из этой чаши они пили свою жизнь»¹.

Ни одна чаша не лучше и не хуже другой: все этнические группы в равной степени принадлежат человеческой расе, и нам следует по достоинству ценить их многообразие. Бенедикт, американский ученый, сделала эту запись через пять лет после Лугарда. Терпимость, безусловно, — дитя свободы, а разве Томас Джефферсон не описывал США как «империю свободы» за 100 лет до этого?

Но как и у свободы, у терпимости есть границы. Терпимость подразумевает уважение, но все ли заслуживают уважения? Следует ли нам воздерживаться от нравственных суждений о других культурах, полагая, что все проявления других культур нравственно нейтральны? Если не следует, то какие критерии надлежит применять для того, чтобы судить о них? Как нам отличить то, что всегда и везде является плохим, от того, что является плохим из-за нашей эпохи и культуры?

Английский философ Мэри Миджли предложила рассмотреть обряд феодальной Японии, чтобы проверить терпимость²: *цудзигури*, или «смерть на перекрестке», — ритуал для самураев. Самурай проверяет боеспособность своего нового меча следующим образом: он должен разрубить незнакомца, встреченного на перекрестке, от плеча к плечу. Большинство обрядов сегодня не доходят до убийства, но все же некоторые жестокие и безжалостные ритуалы остаются, как и реализация в некоторых обществах других универсалий из группы 3.2. Например, в некоторых обществах обряд полового созревания реализуется путем женского обрезания, в других брак — через убийства во имя чести клана или по принуждению, а в некоторых принято защищать соплеменников, прибегая к геноциду.

Очевидно, что эти практики противоречат принципу, провозглашенному Христом в Евангелии от Матфея (7: 12): «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Но хотя этот принцип звучит как абсолютная истина, он не избавляет нас от морального релятивизма, так как разные общества имеют разные представления о должном поведении. Теперь, когда путешествия в другие страны в реальности и виртуальном мире стали доступны многим, а миграция широко распространена, привычным стал взаимообмен между культурами. Наша культура влияет на отношения с дру-

гими культурами: она определяет то, что мы критикуем в других культурах. Мы стали невосприимчивы к другим: иногда критикуем собственную культуру, сравнивая ее с другими.

Наши суждения о других культурах основаны на собственных ценностях, и все же порой мы не хотим признавать моральный релятивизм. Абсолютные истины звучат убедительнее: они придают нравственному утверждению большую весомость. Например, соблюдение прав человека часто считается абсолютом, это права, которые всегда и везде законны. Но то, какие права мы считаем наиболее важными, обусловлено нашими ценностями: например, мы ценим социальные, экономические и культурные права (такие, как право на здоровье и труд) больше, чем гражданские и политические права (такие, как право на свободу или справедливый суд). На чем основаны эти предпочтения — на абсолютных истинах или на нашей культуре?

Даже абсолютные истины содержат противоречия. Статья 10 о свободе самовыражения в Акте о правах человека (принятом в Великобритании в 1998 г.) звучит следующим образом:

«1. Каждый имеет право на свободу самовыражения. Это право включает свободу придерживаться своих убеждений, получать и передавать информацию и идеи, не опасаясь вмешательства государственных органов и независимо от государственных границ. Эта статья не запрещает государству осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных и кинематографических организаций.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальными процедурами, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других людей, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности судебных органов»³.

В первом абзаце описано само право, но в нем же содержится и ограничение: право государства контролировать некоторые средства массовой информации. Во втором абзаце перечислены только ограничения, и этот абзац длиннее первого. Некоторые ограничения косвенно указывают на то, что иногда права противоречат друг другу. Например, если газета использует право на свободу выражения мыслей и обвинит какого-либо общественного деятеля в лицемерии, этот человек может заявить свое право на защиту репутации и потребовать прекращения публикаций. Какое из этих прав является более важным или, говоря конкретнее, какое из этих прав в большей степени защищает общественные интересы?

Это суждение в рамках одной культуры, в то время как суждение о женском обрезании или убийствах

¹ Benedict R. Op. cit. P. 21.

² Midgley M. Heart & Mind — the Varieties of Moral Experience. L.: Methuen University Paperbacks, 1983. Chap. 5.

³ Bailey S. H., Harris D. J., Ormerod D. C. Civil Liberties — Cases and Materials. 5th ed. L.: Butterworths, 2001. P. 22.

во имя чести — межкультурная оценка. Когда в империалистической Британии давали оценку индийским религиям, большое влияние на эти суждения оказывало мнение королевы Виктории. В 1858 году королеве Виктории показали проект закона, в соответствии с которым Ост-Индская компания передавала функции управления Индией Британской короне. Она добавила собственный комментарий: «Твердо полагаясь на христианские истины и с благодарностью принимая утешение религии, мы отказываемся от права и желания навязывать свои убеждения любому из наших подданных... Мы настоятельно требуем и предписываем всем, кто занимает руководящие должности при нашем правлении, воздерживаться от любого вмешательства в религиозные убеждения или верования наших подданных под страхом того, что это вызовет наше крайнее неудовольствие»¹.

Возможно, она полагала, что безразличие к религиозным верованиям ее подданных-мусульман стало причиной восстания в Индии, которое имело место за год до этого. В любом случае британцы гораздо терпимее относились к индийской культуре в Индии, чем теперь они относятся к проявлениям культуры индийских иммигрантов, живущих в Британии, так как здесь, по их мнению, затрагиваются вопросы социальной сплоченности. Иммигранты могут не соблюдать британские традиции (пункты в группе 3.2.2), как, например, имена, но они не в состоянии соблюдать и все свои традиции, имеющие отношение к ритуалам ухаживания, сексуальным ограничениям и браку. К некоторым традициям в Великобритании относятся скорее как к преступлениям, а не как к вариантам норм, на основе которых новоиспеченные британцы могут строить свою, отличную от британской, жизнь.

«Опрос полицейских подразделений, проведенный Организацией защиты прав иранских и курдских женщин, показал, что в год происходит 2823 преступления во имя чести, что составляет почти восемь преступлений в день. Но считается, что эти цифры сильно занижены, так как 13 из 52 подразделений полиции не ответили на запрос, сделанный этой благотворительной организацией в ноябре 2011 года о таких правонарушениях. Назир Афзаль из Службы судебного преследования заявил, что число преступлений во имя чести в Великобритании, в том числе убийств, совершаемых с целью защиты “честь” семьи в глазах земляков, — неизвестно. “Нам неизвестно точное число убийств во имя чести. В год в этой стране происходит от 10 до 12 таких убийств. Я не знаю, сколько еще безымянных могил в нашей... стране”. Господин Афзаль полагает, что в год в Великобритании заключаются 10 тыс. браков по принуждению. Он сказал, что степень межкультурной чувствительности — это часть проблемы. “Брак по принуждению подобен землетрясению. То, что за ним следует, — это цунами домашнего и сексуального насилия, вопросы защиты прав детей, самоубийства и убийства. Если мы сможем решить вопрос с браками по принуждению, то сумеем предотвратить и все эти последствия”»².

¹ *Morris J.* Pax Britannica — the Climax of an Empire. L.: Penguin, 1979. P. 500–501.

² URL: www.bbc.co.uk/news/uk-17319136 (дата обращения: 19 марта 2012 г.)

«Межкультурной чувствительностью» господин Афзаль объясняет нерешительность принуждения к соблюдению традиций Великобритании, о чем он явно сожалеет. Результатом мультикультурализма, публичного лица «культурного релятивизма», может стать создание сегрегированной, а не единой культуры. В контексте нашего глобализованного мира общественная практика должна быть ориентирована на взаимопроникновение культур. Робин Кук, в то время занимавший должность министра иностранных дел, выразил эту мысль в своей речи 10 лет назад: «Сегодня Лондон — абсолютный центр земного шара. Здесь проживают более 300 этнических общин, каждая из которых состоит по крайней мере из 10 тыс. человек. Сегодня вечером в Лондоне более 300 языков будут звучать во время семейных ужинов. Эта многонациональность — не тяжкое бремя, которое мы принимаем с неохотой. Это огромное богатство, которое делает нашу нацию более жизнеспособной в культурном и экономическом плане... Не только наша экономика выиграла от того, что в нашей стране появились новые национальные общины, — расширился наш культурный кругозор, жизнь стала многообразнее»³.

Он привел пример такого культурного взаимодействия: «Курица в соусе тикка-масала стала истинно британским блюдом не только потому, что оно пользуется большой популярностью, но и потому, что оно может служить прекрасной иллюстрацией того, как Великобритания впитывает и адаптируется к влиянию извне. Курица тикка — это индийское блюдо. Соус масала был добавлен к этому блюду, чтобы оно соответствовало вкусам британцев, которые привыкли есть мясо с подливкой»⁴.

Взаимный обмен между культурами может привести и к росту патриотизма (в сложной форме). Недавно молодого британца азиатского происхождения спросили, какая страна для него важнее — страна, где он родился, или страна, где он живет? Он ответил: «Кто сыграл более важную роль в моем зачатии — моя мать или мой отец?»

5. Глобальное вмешательство в настоящем и будущем

По словам Фукидида, «большие народы делают то, что хотят; малые народы принимают то, что должны»⁵. Мой бывший коллега — издатель из Венгрии — однажды печально сказал мне: «Великих людей из малых народов практически никто не знает». Большие нации могут оставить культурный след в жизни малых народов, не применяя силу для их завоевания, но искажает ли это культуру малых народов?

Это зависит от того, какой след оставлен, в какой сфере культуры и к лучшему или худшему изменилась культура. Европейские империи XIX и начала XX века — Французская, Британская империи или царская Россия — стремились прежде всего внести

³ *Cook R.* Speech to the Social Market Foundation. 2001. 19 April. URL: www.guardian.co.uk/world/apr19/race.britishidentity/print

⁴ *Ibid.*

⁵ *Chomsky N.* Hegemony or Survival: America's quest for global dominance. L.: Penguin, 2003. P. 16.

изменения, например, в форму правления, законы и обеспечение правопорядка, структуру экономики, сельское хозяйство, транспорт, обучение (обычно меньшей части населения) и язык. Религия также привлекала внимание британцев: миссионеры из Великобритании стремились принести «на мрачную землю Африки свет, свободу и цивилизацию». Они же пришли к выводу о том, что «наши территории в Азии <...> даны были нам не только для того, чтобы мы могли получать от них ежегодную прибыль, но чтобы мы могли привести жителей этих территорий, живущих во тьме, грехе и горе, к свету и благотворному влиянию истины (протестантизма)». Это высказывание опубликовал в 1792 году бывший глава Ост-Индской компании. Хотя к середине XIX века британцы стали более осторожно вести миссионерскую деятельность, о чем свидетельствуют слова королевы Виктории в 1858 году (приведенные выше), после Индийского народного восстания, произошедшего в том же году, Лондонское миссионерское общество в своем ежегодном отчете разразилось пламенной речью о старом враге и бесконечно благотворном влиянии проповеди протестантизма: «Вероломство и кровопролитие восстания сипаев навсегда лишили иллюзий и ложного чувства безопасности множество людей и в Британии, и в Индии. Идолопоклонство в сочетании с принципами и духом учения ислама проявили свою подлинную сущность — сущность, которую можно только бояться и ненавидеть... Усилия миссионеров — христиан, которые до сих пор воспринимались с насмешкой и презрением, теперь объявлены крайне важными, стоящими на защите собственности, свободы и жизни».

Очевидно, что миссия заключалась не только в том, чтобы обучить местное население протестантским ритуалам службы и рассказать им об учении христианства, но и в том, чтобы показать, как британцы применили это учение к политическим аспектам экономики колонии.

Британскую империю не вернуть, но она все еще вызывает определенный интерес, так как ее англоязычная преемница сохраняет некоторые отличительные особенности. Стратегия национальной безопасности США, которую президент Буш-младший опубликовал в сентябре 2002 года, имеет много общего с культурным наследием Британии, описанным Фергюсоном. Основные отличительные черты этого культурного наследия перечислены выше. В доктрине Буша утверждается, что цель США — «распространить блага свободы на весь мир». Эта мысль получает в документе дальнейшее развитие: «Мы будем активно работать и нести надежду на демократию, развитие, свободный рынок и свободную торговлю в каждый уголок мира... Америка должна неустанно выступать в поддержку бескомпромиссных требований уважения человеческого достоинства; соблюдения законов; ограничения абсолютной власти государства; свободы слова; свободы вероисповедания; равенства перед законом; уважения женщин; религиозной и этнической терпимости; уважения частной собственности».

Эти основания для вмешательства во внутренние дела государств уже озвучивались в США. В доктрине, провозглашенной президентом Монро в 1823 году,

определен следующий принцип: «Американские континенты ввиду свободного и независимого положения, которого они добились и которое они сохранили, не должны рассматриваться впредь в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державой». В 1904 году Военно-морской флот США уступал по величине только Военно-морскому флоту Великобритании, поэтому, когда президент Теодор Рузвельт внес поправку к доктрине Монро, она стала звучать более конкретно: «Непрекращающиеся незаконные действия или проявление бесчинств, приводящие к общему ослаблению связей цивилизованного общества, будь то в Америке или где бы то ни было, в конечном итоге требуют вмешательства со стороны какого-либо цивилизованного государства. В западной полушарии следование Соединенных Штатов доктрине Монро может вынудить их, возможно и против своей воли, в вопиющих случаях нарушений законности или проявления бессилия к выполнению обязанностей международной полицейской державы».

Однако американское вмешательство отличалось (и отличается) от вмешательств Британской империи: в ходе этих вмешательств территории стран-реципиентов не заселялись (и не заселяются) поселенцами из США. Они вкладывали денежные средства, оказывали влияние на политические решения, принимаемые этой страной, пропагандировали американские идеи (и среди прочего — христианский эвангелизм); они располагали военные базы США в этих странах или при необходимости отправляли туда морской флот; но значительное число граждан США не приезжало в эти страны, чтобы жить, работать и растить там детей. В этом и состояло их отличие от британских (и, по моему мнению, российских) методов, так как и Британская, и Российская империи стремились заселить территории отдельных колоний своими гражданами. Становится ли от этого американская интервенция неимпериалистической, и если так, то как можно ее назвать?

Американцы верят, что основали республику свободных людей, и в идейном отношении это обусловило невозможность для американцев впоследствии стать империалистами. Если не принимать во внимание эту идеологическую преграду, при каких условиях интервенция становится империалистической?

Государства бывают разных размеров, а, как говорил Фукидид, большие государства обладают силой, которой маленькие государства могут противостоять, только объединившись. В противном случае большее по размеру государство господствует над меньшим. Я полагаю, что существуют три вида господства: сюзеренитет, империя и гегемония. Словарь английского языка «Longman» (результат совместного труда англичан и американцев — компании «Merriam-Webster» и издательства «Longman») дает этим понятиям следующие определения:

— **гегемония** — господствующее влияние или власть, особенно одной нации над другой; превосходство;

— **империализм** — 2) политика, практика или пропаганда распространения власти над народом,

особенно путем захвата территорий или путем косвенного контроля политической или экономической жизни других стран;

— **сюзеренитет** — власть сюзерена; господство.

Сюзерен — 2) господствующая страна, контролирующая международные отношения угнетенной страны, но не вмешивающаяся в ее внутренние дела.

Над чем в культуре меньшей страны господствует большая страна и как? Империалистическая держава определяет для своих колоний большинство пунктов из группы 1 («Средства выживания»), многие пункты группы 2 («Досу») и отдельные пункты из группы 3 («Социальные практики и общественное устройство»), особенно пункты 3.2.1, но также язык (3.1.1), ставя в привилегированное положение язык империи. При гегемонии прямое влияние оказывается только на составляющие пункта 3.2.1. Сюзерен может оставить в неприкосновенности принятые в данной местности способы реализации пунктов, содержащихся во всех трех группах.

Три типа господства также отличаются разными политическими условиями, которые господствующее государство *A* навязывает государству *B*:

1) военные подразделения государства *A* на долгий срок размещаются в государстве *B*;

2) за них платит государство *B*;

3) более трети основных полезных ископаемых, товаров и услуг, производимых государством *B*, покупает государство *A*, часто по ценам ниже мировых;

4) государство *B* устанавливает более высокие пошлины на импорт из стран, которые не находятся под властью государства *A*;

5) решения государства *B* о том, какие секторы экономики следует развивать, соответствуют плану страны *A* о развитии всех территорий, подконтрольных государству *A*;

6) в целом ни одно важное политическое решение страны *B*, касающееся внешней политики и внутренних дел, не принимается без учета мнения государства *A*, и лишь крайне редко эти решения идут вразрез с рекомендациями страны *A*.

Если соблюдены все шесть условий, то *B* — это часть империи *A*. Если соблюдается только последнее условие, то *A* осуществляет гегемонию. Если государство *A* определяет только внешние отношения страны *B*, то *A* — это сюзерен *B*.

В сегодняшнем глобализованном мире мы применяем эти критерии к определению отношений Америки и государств меньшего размера. Но с тем же успехом мы можем применить их к политике Китая. Между прочим, некоторым видным деятелям Великобритании хорошо известно о культурной сущности развития Китая. Мартин Дэвидсон, исполнительный директор Британского совета, бегло говорящий по-китайски, недавно сказал: «Будущее процветание Соединенного Королевства в немалой степени зависит от нашей способности общаться и строить отношения с людьми всего мира, и Китай является для нас одним из важнейших партнеров. Но, несмотря на видимость того, что число британских школ, в которых изучают мандаринский диалект китайского языка, растет, в действительности

таких школ слишком мало. Без сотрудников, которые понимают и могут успешно общаться с представителями одной из крупнейших экономик мира, Соединенное Королевство рискует проиграть конкурентную борьбу и в результате остаться далеко позади».

Китай прекрасно осознает свою мощь в настоящем и будущем. Например, на прошедшей недавно (6 ноября 2012 г.) в Лондоне конференции Китайско-европейской международной бизнес-школы CEIBS и Лондонской школы бизнеса господин Чень Сивей (заместитель председателя Постоянного комитета IX и X национальных народных конгрессов) говорил о том, что Китай осознает «ответственность силы». Эту же фразу в 1968 году использовал сенатор США Фулбрайт применительно к международным отношениям США. Нет сомнений в том, что эта ответственность и внутренние приоритеты дают стимул внешней политике Китая. Китайское правительство планирует увеличить внутренний рынок и укрепить благосостояние государства путем, например, повышения минимальной заработной платы, улучшения социальных гарантий, обеспечения доступного и качественного образования, соблюдения равенства.

Господин Чень не сказал о том, что невозможно обеспечить этот более высокий уровень жизни, используя лишь ресурсы Китая. По меньшей мере последние десять лет Китай привлекает иностранные активы путем покупки или заключения ограничительных контрактов с поставщиками полезных ископаемых и энергоресурсов в более бедных и маленьких странах Африки, Азии и Южной Америки. В обмен на эти договоренности Китай улучшает инфраструктуру этих стран, особенно их системы распределения, а также рассчитывает на то, что страна-реципиент, например, проголосует за лишение Японии постоянного членства в Совете Безопасности ООН или не поддержит предложения ООН осудить политику китайских властей в Тибете или большое число случаев нарушения прав человека в Китае.

Империализм ли это? Китай болезненно воспринимает обвинения в этом. Во время Форума сотрудничества Китай–Африка, который состоялся в Пекине 19 июля 2012 года, Ху Цзиньтао, на тот момент занимавший должность Председателя Китайской Народной Республики, сказал: «Китай — крупнейшая в мире развивающаяся страна, а в Африке находится самое большое число развивающихся стран. Китайский и африканские народы всегда относились друг к другу как к равным, строили отношения на основе искренности и дружбы, обоюдной поддержки и стремились к общему развитию»¹.

Ленин определял империализм как «высшую ступень развития капитализма», неизбежный результат господства финансового капитализма, концентрации производства и монополий в сильных капиталистических странах, разделения мира между крупными компаниями этих стран. Однако основные средства производства и распределения Китая находятся под контролем государства, а коммунизм является национальной идеологией этой страны; по определению же, которое

¹ URL: fmprc.gov.cn/eng

Ленин дал империализму, коммунистическое государство не может быть империалистическим.

Отношения Китая со странами-поставщиками не удовлетворяют моим шести условиям империализма. Например, Китайская национальная нефтегазовая корпорация владеет контрольным пакетом акций в разработке крупнейшего нефтяного месторождения Судана¹. Вероятно, цена на эту нефть определяется местными расценками, но подразделения Народно-освободительной армии Китая не имеют военных баз в Судане. Условия (5) и (6) не удовлетворены, но, очевидно, Судан учитывает пожелания Китая при голосовании в ООН, а Китай в ответ старается защитить Судан от противоречащих интересам этой страны инициатив ООН. Я полагаю, что культурное влияние Китая на то, как в Судане реализуются универсалии групп 1, 2, 3, незначительно. Например, рабочий язык для общения в местах разработки нефтяных месторождений в Судане английский, а не китайский, и, насколько мне известно, преподавание в школах Судана ведется не на китайском языке. Китай не пытается ослабить влияние ислама на севере Судана и христианства — на юге страны. Учитывая эти обстоятельства, на данный момент Китай не является даже сюзереном Судана. Но было бы удивительно, если бы влияние Китая на Судан не усилилось в ближайшие 20 лет, потому что, как говорится, «рука дающего всегда находится над рукой берущего» и «кто платит, тот и заказывает музыку».

6. Некоторые ограничения

Что значит «заказывать музыку»? Придет ли на смену американской гегемонии китайский сюзеренитет не только в Судане, но и в других странах? И каковы в этом случае будут культурные последствия? Заменит ли китайский язык английский не только в государствах — сателлитах Китая, но и в других странах, где в настоящее время английский является вторым языком? Я не могу себе представить, что китайский язык будет использоваться как неофициальный второй язык Европейского Союза. Станет ли китайский, например, языком, на котором будут написаны слова для большинства популярных песен или самые распространенные книги? Станет ли китайский языком научных статей в большинстве международных журналов, международной системе управления воздушным движением и самого большого сегмента Интернета? Будет ли в английском языке использоваться гораздо больше слов, заимствованных из китайского, чем в настоящее время?

Никто не может предсказать будущее, но мы можем высказать предположения, определив связи между прошлым и настоящим: тенденции настоящего, которые напоминают о тенденциях прошлого, результат которых нам известен. Определение подобия или истинного сходства — трудная задача, решение которой требует большой степени абстрагирования, чтобы избежать даже частичного влияния наших культурных суждений. Э. Х. Карр в 1964 году говорил: «Многое из того, что за последние десять лет было написано в англоязычных странах о Советском Союзе и в Советском Союзе

¹ Klare M. China's imperial predicament // *Le Monde Diplomatique*. 2012. Sept.

об англоязычных странах, было искажено полнейшей неспособностью абстрагироваться и представить себе, что может иметь в виду другая сторона, так что слова и действия другого всегда кажутся враждебными, бессмысленными и лицемерными»².

Карр написал это вскоре после Карибского кризиса, произошедшего в 1962 году, и некоторые британские политики в то время прекрасно понимали, какое влияние тенденции, на которые указал Карр, оказали на международные отношения. Джон Уиндем, позднее лорд Эгмонт, а до этого личный секретарь премьер-министра Великобритании Гарольда Макмиллана, однажды в отчаянии воскликнул: «Было бы гораздо лучше, если бы русские дважды в неделю просматривали протоколы заседаний кабинета министров. Это избавило бы от этих... опасных догадок»³.

То время давно миновало, но взаимопонимание между Великобританией и Россией до сих пор имеет большое значение. Знание таких моментов, я надеюсь, позволит нам осознать всю важность взаимопонимания. Обеим сторонам необходимо понимать, как политические события влияют на культурную жизнь.

Приведу еще один пример из жизни Британской империи. Британцы считают себя создателями первого в мире национального гимна. Этот гимн был впервые исполнен публично в Лондонском театре в сентябре 1745 года. Там «в этот теплый осенний вечер присутствующие мужчины и женщины с восторгом приняли [эту песню], встали и несколько раз требовали повторить эту песню»⁴.

Песнь, которую встретили с таким энтузиазмом, имела конкретное содержание.

Боже, храни нашего благородного короля,
Боже, храни нашего великого короля Георга,
Боже, храни короля.
Дай ему ратных побед,
Счастья и славы,
Пусть он долго правит нами:
Боже, храни короля.

Всемогущего Господа молят о защите главы Великобритании, помощи в сражениях и царствии на долгие годы. Во второй строфе Бога просят сокрушить врагов.

Господи Боже наш, восстань,
Рассей наших врагов
И приведи их к гибели;
Разрушь планы их государств,
Расстрой их подлые уловки,
На него возлагаем мы наши надежды,
Боже, храни всех нас.

Угроза внешнего врага обычно способствует сплоченности внутри страны, и 1745-й был годом испытания народного единства в Великобритании. За месяц до первого исполнения этого гимна принц Карл Эдуард Стюарт высадился на острове Эрискей, одном из Внешних Гебридских островов. Две недели спустя он по морю добрался до Шотландии и поднял королевский штандарт, провозгласив себя королем Яковом III

² Carr E. H. Op. cit. P. 16.

³ Knightley P. *The Second Oldest Profession*. L.: Pan, 1987.

⁴ Colley L. *Britons — the Forging of a Nation, 1707–1837*. 2nd ed. New Haven; L.: Yale University Press, 1996. P. 44.

Английским и VIII Шотландским. Подозревали, что его поддерживали Франция и, возможно, Испания.

В третьей строфе четко обозначено предназначение монарха.

Твои избранные дары
Благоволи излить на него;
Да царствует он долго;
Да защищает он наши законы,
И да дарует нам повод
Петь сердцем и голосом.
Боже, храни короля.

Единственным четко обозначенным результатом этих даров всемогущего Бога должно было стать то, чтобы монарх защищал верховенство права. Но в целом песнь молит Бога сохранить народ как единую политическую единицу, помочь этому народу победить в войне, а упоминая законы, песнь призывает к установлению древних свобод, а не к тирании. Бог, к которому обращаются в гимне, однако, не определен явно как бог христианский. Тут прославляется монарх, а не страна или народ, и не упоминается никакой более широкой задачи, которую Британия должна решить за пределами своих территорий.

Этот гимн до сих пор является официальным гимном Великобритании, но с 1920-х годов в стране также используется и неофициальный гимн, который теперь стал музыкой сборной Англии по регби, его также исполняют на церемонии закрытия ежегодных «променадных» концертов, которые проводит корпорация «Би-би-си» в концертном зале Альберт-холл в Лондоне. Этот гимн называется «Иерусалим». Впервые он был исполнен в марте 1918 года, незадолго до окончания Первой мировой войны, когда многочисленные жертвы Первой мировой войны пошатнули милитаризм, свойственный первой и второй Британской империи. Этот гимн «произвел большое впечатление, когда его впервые исполнили в Альберт-холле в марте 1918 года. Он исполнялся в честь того, что кампания «Избирательное право женщинам» вошла в свою завершающую стадию»¹.

Четыре строфы этого гимна принадлежат перу поэта-романтика и художника Уильяма Блейка, они были написаны в 1803 или 1804 году и опубликованы в предисловии к его эпической поэме «Мильтон». В них отражено его видение Великобритании как представительницы истинной религии, а не как основательницы империи. (Блейк выступал в поддержку Американской и Французской революций.) Сто лет спустя стихотворение было отобрано для патриотической антологии стихов Робертом Бриджесом, который стал поэтом-лауреатом в 1913 году. В 1915 или 1916 году слова положил на музыку сэр Губерт Пэрри, профессор музыки в Оксфорде. В музыке к гимну «Боже, храни короля» мы слышим, как маршируют английские солдаты в красных мундирах, пронзительно кричат флейты, бьют барабаны. В музыке к «Иерусалиму» — голос добродетели и поэзии, настойчиво призывающий Британию вернуться к учению основателя христианства. «Иерусалим» — это часть иной британской идентичности, проявившейся в более поздний период в ощущении того, что начался закат империи, а британские таланты и усилия должны быть направлены на создание постимперской британской культуры. Вот эта песнь².

На этот горный склон крутой
Ступала ль ангела нога?
И знал ли агнец наш святой
Зеленой Англии луга?
Светил ли сквозь туман и дым
Нам лик господний с вышины?
И был ли здесь Ерусалим
Меж темных фабрик сатаны?
Где верный меч, копье и щит,
Где стрелы молний для меня?
Пусть туча грозная примчит
Мне колесницу из огня.
Мой дух в борьбе несокрушим,
Незримый меч всегда со мной.
Мы возведем Ерусалим
В зеленой Англии родной.

¹ Scholes P. The Oxford Companion to Music. 9th ed. Oxford : OUP, 1955. P. 540.

² Перевод С. Я. Маршака.